

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329

DOI: 10.17223/1998863X/44/19

С.А. Асланов

КОАЛИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ОСЛАБЛЕНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Традиционно считается, что нынешний кризис политических партий обусловлен в первую очередь изменением социально-экономических условий, в которых им приходится действовать. Однако не последнюю роль в ослаблении их позиций, в частности ухудшении выполнения функции посредничества между гражданским обществом и государством, играет все большее распространение практики формирования коалиционных правительств, что является закономерным результатом пропорциональной системы выборов, набирающей популярность во всем мире.

Ключевые слова: партии, выборы, коалиция, парламент, правительство.

Политические партии постепенно утрачивают свой авторитет в глазах граждан, и им все труднее выполнять одну из основных своих функций в демократическом обществе – служить посредником между гражданским обществом (избирателями) и государством, осуществляющим свою власть с помощью органов исполнительной и законодательной власти. Свидетельства упадка просматриваются в низком уровне доверия к этим организациям, снижении явки на выборах, появлении несистемных партий, быстро завоевывающих сердца избирателей, уставших от коррумпированности и закостенелости старых партийных машин.

Как правило, в качестве причин неудовлетворительного состояния современных политических партий указываются изменение социальной структуры общества, размывание социальных классов, принадлежность к которым в значительной мере определяла идеологические предпочтения избирателей, следствием чего стало уменьшение членской базы. В попытке компенсировать эти потери партии начали охоту за массовым избирателем, выходя за узкие рамки идеологических ниш. Однако далеко не последнюю роль в трансформации современных политических партий сыграла и практика коалиционных правительств, содействующая ухудшению позиций политических партий, осложняющая их идентификацию для избирателей, примером чему служат коалиционные правительства Германии на протяжении последнего десятилетия.

Об этом свидетельствует эволюция политических партий: возникшие как кадровые организации, стремящиеся к «подготовке выборов, их проведению и сохранению контакта с кандидатами» [1. С.117–118], со середины XIX в. они приобрели статус массовых, стремящихся к вовлечению в политику максимального количества избирателей, при этом активная позиция, жизненный

опыт сторонников партии и этика борьбы привели к идее усиления партийного единства и дисциплины, отсутствовавших в кокусных партиях [2. С. 30].

Со второй половины XX в. на политической арене начали появляться универсальные партии (*catch-all parties*), стремящиеся объединить вокруг себя максимальное количество избирателей с разной классовой, этнической, религиозной принадлежностью. Для них характерны наличие прагматических лидеров национального масштаба, ориентация на государство и финансовую поддержку с его стороны.

Следующими стали партии картельного типа, выделенные и проанализированные Р. Кацем и П. Мейром. По их мнению, такие партии являются результатом симбиоза партий и государства [Там же. С. 28], их члены рассматривают политику как профессиональную деятельность, а в основе партийной конкуренции лежат управленческие способности. В 1970-х гг. на базе общественных движений начали появляться «тематические» партии, отстаивающие расширение гражданских прав, защиту окружающей среды, равенство полов, идею мирного сосуществования государств и другие постмодернистские ценности.

Не последнюю роль в трансформации политических партий сыграли не только социально-экономические изменения – размывание границ между социальными классами, изменение ценностных установок граждан и демографического, этнического состава обществ, развитие информационно-коммуникационных технологий, но и реформы избирательной системы. Хотя между теоретиками продолжаются споры о том, избирательная система определяет тип партийной системы или же сами партии внедряют именно те избирательные правила, что укрепляют их позиции во власти, но в последние десятилетия тенденция к более широкому внедрению пропорциональной системы выборов в различных вариациях очевидна. В отличие от мажоритарной системы, по правилам которой победитель получает все, пропорциональная содействует партийному строительству и нивелирует внутренние конфликты, как убедительно продемонстрировал А. Лейпхарт в своей модели консенсусной демократии. Пропорциональная избирательная система не только позволяет более точно учитывать предпочтения избирателей, мнения которых «теряются» в борьбе за правилами мажоритарной системы, но и актуализирует проблему формирования коалиционного правительства. Ранние исследования этого феномена исходили из математических исчислений, сводившихся к конвертации депутатских мандатов партнеров по коалиции в министерские портфели. Такая связь исследовалась еще Э. Брауном и М. Франклином [3], анализировавшими пропорциональное распределение, выведенное В. Гэмсоном [4]. Актуальность этой формулы подтверждена и недавним исследованием взаимосвязи между размером партии и количеством ее министров в коалиционном правительстве [5].

По мере накопления эмпирического материала становилось все более очевидным, что математические расчеты не всегда способны объяснить стремление участников коалиции получить пост премьер-министра или же конкретные министерства. Ведь партия получила поддержку граждан для реализации своей избирательной программы, для чего необходим контроль над осуществлением государственной политики в определенных сферах с помощью своего представителя в правительстве.

Более того, следует учитывать и идеологические позиции, поскольку пребывание возможных коалиционных партнеров на различных флангах политического спектра сводит к нулю вероятность реализации эффективной государственной политики. Первыми обратили внимание на важность идеологии Э. Браун и К. Фест, разработавшие теорию партийной семьи [6], исходящую из допущения, что некоторые министерские должности имеют для партий большее значение для продвижения своих интересов, а также интересов лояльных групп или же избирателей.

В свою очередь, Я. Бадж и Г. Кемен [7. С. 90] предложили анализировать избирательные программы партий и определять, какие именно сектора государственной политики имеют для них первоочередное значение. Они определили, что в коалиционных правительствах умеренные левые партии (социалистические и социал-демократические) более чем в 80% случаев получают министерства труда, здоровья и социального обеспечения.

В целом можно определить четыре ключевых фактора, влияющих на формирование коалиции (ее состав, длительность переговоров и т.д.): фрагментированность (количество партий, победивших на выборах) и поляризованность парламента (количество мест, полученных центристскими, крайними левыми или правыми партиями), наличие влиятельной оппозиции и продолжительность правительственного кризиса (как долго существует временное правительство). Теоретические рассуждения и практика подтверждают, что больше всего шансов на формирование правительства имеет не столько партия, получившая наибольшее количество голосов, сколько так называемый «срединный законодатель» – партия, находящаяся в центре идеологического спектра, представленного парламентскими партиями.

Другими словами, коалиционные стратегии вынуждают политические партии отказываться от своих все более размытых идеологических установок в обмен на возможность осуществления более или менее эффективной государственной политики, которая в условиях современных демократических систем возможна, как правило, при наличии поддержки парламентского большинства.

Примером эрозии посреднической функции партии как результата коалиционной политики служит Германия, которая с 2005 г. демонстрирует противоестественный альянс консерваторов с социал-демократами, бессменно возглавляемый канцлером А. Меркель. На последних парламентских выборах, проведенных 24 сентября 2017 г., ведущие политические партии страны показали один из худших результатов в послевоенной истории страны: Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (ХДС / ХСС) получили 246 из 706 мест в Бундестаге, что на 65 меньше, чем в предыдущем составе, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) – 153 (–40), крайне правая Альтернатива для Германии (АдГ) – 94 (+94), Свободные демократы – 80 (+80), Левая – 69 (+5), Союз 90 / Зеленые – 67 (+4). Учитывая невозможность создания союза с крайне правыми партиями, впервые прошедшими в законодательный орган за последние полстолетия, партия А. Меркель имела альтернативу для создания правительства большинства: вступать в переговоры со Свободными демократами и Зелеными (393 мандатов) или же возрождать альянс с весьма ослабленными социал-демократами (399 мандатов). 10 ноября опрос общественного мнения зафик-

сировал, что только 45% немцев считают, что коалиция из трех партий – ХДС / ХСС, Свободных демократов и Зеленых – принесет пользу стране, что на 12% меньше, чем месяцем ранее. Тем не менее 68% опрошенных надеялись на формирование трехпартийного правительства. Но будущие партнеры так и не смогли достичь соглашения по климатическим и экологическим вопросам: 14 ноября Зеленые отказались от переговоров вместе со Свободными демократами и ХДС по созданию коалиции из-за отказа последних значительно снизить количество электроэнергии, производимой тепловыми (угольными) электростанциями. 1 декабря экономический совет ХДС предупредил, что возобновление большой коалиции с социал-демократами ослабит позиции обеих партий и усилит позиции крайне правых. Тем не менее формирование правительства меньшинства со Свободными демократами или же старт новой избирательной кампании не устраивали победителя выборов, решившего договориться с левыми. 15 декабря руководство СДПГ единогласно проголосовало за начало предварительных переговоров с консерваторами для создания коалиции.

Предварительное обсуждение началось 7 января 2018 г. по 15 направлениям, которые должны были лечь в основу коалиционного соглашения. Проведенный в середине января газетой *Welt am Sonntag* опрос общественного мнения зафиксировал, что 52% опрошенных не считают большую коалицию ни хорошей, ни плохой. При этом более 60% сторонников социал-демократов выступали против подобного соглашения, в то время как 67% консерваторов его поддерживали. 22 января конгресс СДПГ 362 голосами «за» и 297 «против» принял решение вступить в официальные переговоры о создании коалиции. Они начались 26 января – через четыре месяца после проведения выборов, когда 18 рабочих групп принялись согласовывать позиции сторон для оформления соглашения. Результатом их работы стал проект коалиционного соглашения [8] на 177 страницах, опубликованный 7 февраля. Соглашение гарантирует сохранение текущего статус-кво и не обещает проведения реформ, в которых нуждается страна. ХДС / ХСС удалось зарезервировать за собой часть бюджетного профицита для выплат на детей, пенсии, инвестиции в инфраструктуру, добиться незначительного уменьшения налогов и ограничить иммиграцию путем воссоединения семей. Социал-демократам удалось запретить кратковременные трудовые соглашения и пересмотр несоответствий между государственным и частным медицинским страхованием. Первый раздел соглашения «Новый старт для Европы», написанный под влиянием СДП, обещает более тесное сотрудничество с Францией в таких сферах, как оборона и миграция, увеличение взносов Германии в бюджет ЕС, усиление полномочий Европарламента и превращение созданного в 2012 г. антикризисного фонда Европейский стабилизационный механизм в постоянный Европейский валютный фонд. Но никаких конкретных предложений о создании банковского союза соглашение не содержит. Да и в общих чертах мало конкретики. Необходимость склонить социал-демократов к партнерству вынудила ХДС пойти на беспрецедентный шаг: они получили влиятельный портфель министерства финансов, что особенно важно для влияния на политику Евросоюза, сохранив за собой министерства иностранных дел и труда. ХДС оставили за собой пост канцлера, министерства экономики, обороны.

Однако это еще не конец затянувшейся «коалициад» в Германии. Коалиционное соглашение будет вынесено на голосование 4 марта 2018 г., в нем могут принять участие почти 460 тыс. членов СДПГ, поддержав его или же отвергнув. Но даже в случае негативных результатов сторонников социал-демократов и провала переговоров о создании большой коалиции А. Меркель готова вновь вернуться к рассмотрению возможности создания правительства меньшинства в соответствии со ст. 63 Конституции ФРГ. Согласно ее положениям, если Бундестаг большинством голосов не проголосует за кандидатуру федерального канцлера, то он в течение следующих четырнадцати дней может избрать федерального канцлера абсолютным большинством своих членов. Если эта попытка окончится неудачей, то незамедлительно проводится новый тур голосования, в котором избранным считается тот, кто получил наибольшее число голосов. Если избранный не получил такого большинства, то Федеральный Президент должен в течение семи дней либо назначить его, либо распустить нижнюю палату парламента.

Таким образом, отсутствие убедительного победителя парламентских выборов, что все чаще встречается во многих странах мира с пропорциональной и смешанной системой выборов, привело к возникновению правительственного кризиса, длящегося уже более четырех месяцев, в одной из наиболее развитых демократических стран. Как свидетельствует пример Германии, логика коалиционных переговоров способствует падению популярности крупных партий, чем непременно воспользуются крайние и популистские партии в случае проведения внеочередных парламентских выборов, дальнейшему отходу вероятных коалиционных партнеров от положений своих избирательных программ в поисках труднодостижимого компромисса и росту неудовлетворенности среди их сторонников. Другими словами, для избирателей все более актуальным становится вопрос представительства своих интересов, не искаженных интересами руководства политических партий и необходимостью идти на компромисс, в том числе и по ключевым вопросам, ради возможности управления государством в рамках коалиционного правительства.

Литература

1. Дюверже М. Политические партии. М. : Академический проект, 2000. 538 с.
2. Кац Р., Мэир П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Политическая наука: политические партии и партийные системы в современном мире. М. : ИНИОН РАН, 2006. С. 27–44.
3. Browne E.C., Franklin M.N. Aspects of coalition payoffs in European parliamentary democracies // American Political Science Review. 1973. Vol. 67. P. 453–469.
4. Gamson W. A theory of coalition formation // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. P. 373–382.
5. Bäck H., Meier H.E., Persson T. Party size and portfolio payoffs: a study of the mechanism underlying the proportionality relationship in coalition governments // Journal of Legislative Studies. 2009. Vol. 15. P. 10–34.
6. Browne E.C., Feste K. Qualitative dimensions of coalition payoffs // American Behavioral Scientist. 1975. Vol. 18. P. 530–556.
7. Budge I., Keman H. Parties and democracy: Coalition formation and government functioning in twenty states. Oxford : Oxford University Press, 1990. 243 p.
8. Ein neuer Aufbruch für Europa Eine neue Dynamik für Deutschland Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD [Electronic resource] : site – Elec-

tronic data. Berlin, 2018. URL: <http://bulgarianpresidency.eu/wp-content/uploads/2018/02/GroKo-Agreement.pdf> (access date: 09.02.2018).

Stellas A. Aslanov, Uzhhorod National University (Uzhgorod, Ukraine).

E-mail: stelas1969@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 199–204.

DOI: 10.17223/1998863X/44/19

COALITION POLITICS AS A FACTOR WEAKENING THE INTERMEDIARY FUNCTION OF POLITICAL PARTIES (THE CASE OF GERMANY)

Keywords: parties; elections; coalition; parliament; government.

Traditional reasons of the current crisis of political parties include changes in the social structure of society: the erosion of social classes that determine the ideological preferences of voters, which results in a decrease in their number. In an attempt to compensate these losses, the parties begin to hunt for a mass voter, going beyond the narrow ideological niche. However, the practice of coalition governments deteriorates the positioning of political parties and complicates their identification for voters. An important role in the transformation of political parties was played not only by social and economic changes – the blurring of borders between social classes, the changes in the values of citizens and the demographic and ethnic composition of societies, the development of information and communication technologies, but also by the reform of the electoral system. Proportional representation elections favour the representation in legislatures of all political and social groups in proportion to their strength in the electorate. At the same time this system leads to the creation of coalition governments, which require some compromises from partners at the expenses of their election promises. Thus, the absence of a convincing winner of the parliamentary elections, which is regular in many countries of the world with proportional and mixed electoral systems, led to a government crisis that lasted for more than four months in one of the most developed democracies. As the example of Germany shows, the logic of coalition negotiations contributes to the decline of the popularity of large parties, which the extreme and populist parties will certainly take advantage of in the event of extraordinary parliamentary elections. The further withdrawal of likely coalition partners from the provisions of their electoral programmes in search of an elusive compromise causes growing dissatisfaction among their supporters.

References

1. Duverge, M. (2000) *Politicheskiye partii* [Political parties]. Translated from French by L.A. Zimina. Moscow: Akademicheskiiy Proyekt.
2. Katz, R. & Meir, P. (2006) *Izmeneniye modeley partiynoy organizatsii i partiynoy demokratii: Vozniknoveniye kartel'nykh partiy* [Changes in the models of party organization and party democracy: The emergence of cartel parties]. *Politicheskaya nauka: Politicheskiye partii i partiynyye sistemy v sovremennom mire*. 1. pp. 27–44.
3. Browne, E.C. & Franklin, M.N. (1973) Aspects of coalition payoffs in European parliamentary democracies. *American Political Science Review*. 67. pp. 453–469. DOI: 10.2307/1958776
4. Gamson, W. (1961) A theory of coalition formation. *American Sociological Review*. 26. pp. 373–382. DOI: 10.2307/2090664
5. Bäck, H., Meier, H.E. & Persson, T. (2009) Party size and portfolio payoffs: A study of the mechanism underlying the proportionality relationship in coalition governments. *Journal of Legislative Studies*. 15. pp. 10–34.
6. Browne, E.C. & Feste, K. (1975) Qualitative dimensions of coalition payoffs. *American Behavioral Scientist*. 18. pp. 530–556. DOI: 10.1177/000276427501800406
7. Budge, I. & Keman, H. (1990) *Parties and democracy: Coalition formation and government functioning in twenty states*. Oxford: Oxford University Press.
8. Bulgarianpresidency.eu. (2018) *Ein neuer Aufbruch für Europa Eine neue Dynamik für Deutschland Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD* [A new departure for Europe A new dynamic for Germany A new cohesion for our country. Coalition agreement between CDU, CSU and SPD]. [Online] Available from: <http://bulgarianpresidency.eu/wp-content/uploads/2018/02/GroKo-Agreement.pdf>. (Accessed: 9th February 2018).